

A man with curly hair, seen in profile, is looking down at a smartphone he is holding. He is wearing a dark jacket. The background is a blurred, futuristic cityscape at night, illuminated with blue and purple light. There are some glowing signs and lights visible in the distance, including one that says "VAGOR".

Роман ЭРКОД

КОКОН
ОВУМ

Роман Эркод
Кокон. ОВУМ

«Автор»

2026

Эркод Р.

Кокон. ОВУМ / Р. Эркод — «Автор», 2026

Мир угасает. Электричество дают по часам, еду — по карточкам. Люди всё чаще уходят в «профилактический сон», чтобы забыться. Дэвид Корр, перспективный нейроинженер, потерявший жену, хочет воскресить тот единственный день, когда жизнь ещё была живой. Чтобы вернуть утраченное, Дэвид создает технологию, позволяющую пережить лучший момент прошлого с полной иллюзией реальности. Корпорация дает ему ресурсы, команду и доступ к секретным пациентам. Но вскоре он понимает, что за все приходится платить. Погружаясь всё глубже в устройство собственного детища, Дэвид обнаруживает, что его воспоминания, его боль, его любовь к жене — не принадлежат ему по-настоящему. А за прозрачными стенками капсул скрывается настоящая правда.

© Эркод Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Кокон. ОВУМ

1

Мелкая холодная взвесь дождя оседала на лице, затекала за воротник, делала мир размытым и безнадежно серым. Дэвид стоял у края могилы и смотрел, как гроб опускают в землю. Механическая рука держала ящик, ржавые тросы травились с натяжением, монотонно гудели сервоприводы. Людей почти не было. Священник, сухой старик с выцветшими глазами, читал молитву без интонации, словно озвучивал инструкцию. Сзади переминались двое в униформе городской службы. Они приехали на электромобиле с логотипом «Утилизация» и ждали своей очереди заполнить бумаги и забрать документы по аренде ячейки в морге.

Дэвид стоял неподвижно. Слез не осталось.

Гроб опустился на дно, и механическая рука замерла. Священник захлопнул книгу и, не прощаясь, побрел к служебному выходу. Работяги из «Утилизации» переглянулись, один показал на часы.

Дэвид смотрел на крышку гроба, на дешевый пластик под дерево. Эльза ненавидела пластик. Говорила: «Мы станем пластиковым миром, и никто не заметит». Она оказалась права.

– Гражданин Корр, – окликнул его один из утилизаторов. – Подпишите.

Дэвид взял планшет. Пальцы не слушались – задубели от холода и от всего остального. Он поставил подпись под цифрами в чеке: стоимость захоронения, аренда ячейки, счет за использование механизма.

– Соболезнуем, – равнодушно бросил второй, забирая планшет.

Они ушли. Автомобиль зашуршал шинами по мокрому гравию и скрылся за рядом чахлах, облысевших тополей. Дэвид остался один.

Кладбище тянулось на километры. Ряды одинаковых плит с QR-кодами, редкие венки из искусственных цветов. Горизонт закрывали трубы ТЭЦ и силуэты жилых башен – однотонные, бесконечные, бетонные громады с редкими огоньками в окнах. Люди экономили электричество, экономили себя, экономили свою жизнь.

Дэвид вспомнил, как они с Эльзой хоронили ее отца десять лет назад. Тогда еще были живые цветы, слова и священник, который умел плакать вместе с родными. Теперь священников научили не затягивать. Вообще всё научились делать быстро. «Сорок минут на человека», – гласила инструкция. Сорок минут, включая доставку и оформление.

Он посмотрел на часы. Прошло тридцать восемь. Он выбивался из графика.

Дэвид развернулся и пошел к выходу. Ноги вязли в размокшей земле, кроссовки промокли насквозь. Он забыл сменить обувь, выбежал утром в чем был. Эльза всегда смеялась над его рассеянностью. «Ты гений, Дэви, но уследить за своими носками не способен». Она смеялась так, что хотелось жить.

Теперь не хотелось.

Город встретил его запахом выхлопов редких машин. Общественный транспорт почти не ходил – топливо дорогое, электричество давали по расписанию. Люди передвигались пешком или на муниципальных велосипедах, ржавых и раздолбанных. На скамейках сидели старики, смотрели в одну точку. Молодежь либо работала, либо лежала в центрах реабилитации, где за государственный счет можно было получить дозу снотворного и не просыпаться сутками. Официально это называлось «профилактический сон». Неофициально – «серая спячка». Люди не выдерживали. Мир стал слишком тяжелым.

Дэвид шел по проспекту мимо пыльных темных витрин, заколоченных кафе, остановок, где под навесами жались люди в одинаковых серых куртках. Они смотрели на дорогу. Контакт с другими людьми стал опасен, контакт требовал эмоций, а эмоции кончились.

Он свернул в арку, поднялся на свое крыльцо. Дом, где они жили с Эльзой, был старым, еще довоенной постройки, с высокими потолками и трещинами на стенах. Лифт не работал вторую неделю. На двери висела табличка «Экономия ресурсов». Дэвид поднялся пешком на пятый этаж. Сто восемь ступенек. Он считал их каждый день.

Квартира встретила его абсолютной, вакуумной тишиной, в которой было слышно, как оседает пыль. На кухонном столе лежал ее дневник. Эльза оставила, знала, что он придет.

Дэвид сел. Долго смотрел на выцветшие листы, на ее аккуратный, чуть наклоненный почерк. Потом начал читать.

«Дэви говорит, что всё наладится. Он всегда так говорит. Верит в прогресс, в технологии, в то, что мы всё починим. Я раньше тоже верила. Но вчера пыталась вспомнить наше утро на море. Помнишь, Дэви? Тот месяц, когда мы сбежали ото всех? Ты говорил, что это лучший месяц в твоей жизни.

Я пыталась вспомнить, как пахнет море. Какой он, этот запах? Знаю, что был. Помню, что мне нравилось. Но не могу его вызвать. В голове только серая картинка, как старая фотография. Без звука и без запаха. Без тебя.

Пыталась представить твое лицо в то утро. Ты стоял на балконе, заспанный, смешной, с чашкой кофе. И не смогла. Твое лицо расплывается, Дэви. Я теряю тебя.

Если бы я могла вернуться туда. Хотя бы на миг. Хотя бы чтобы вспомнить, каково это – быть счастливой. Может, тогда смогла бы жить дальше. А может, я просто слишком устала».

Дата. Три дня назад.

Он перевернул страницу. Последняя запись была короче.

«Прости. Я больше не помню, как пахнет море. Не помню, как выглядит счастье. Остался только этот серый свет. Я хочу домой».

Дневник выскользнул из рук и упал на пол. Дэвид сидел неподвижно, глядя в стену. За окном смеркалось. Город зажигал редкие огни. Где-то гудел трансформатор. Где-то плакал ребенок. Где-то в тысячах одинаковых квартир люди ложились спать, чтобы забыться подольше.

Он не помнил, сколько просидел так. В какой-то момент наклонился, поднял дневник и снова открыл на последней странице, перечитал фразу: «Если бы я могла вернуться туда».

Вернуться.

Дэвид был нейроинженером. Занимался интерфейсами «мозг-компьютер», работал над протезами памяти для ветеранов. Знал, как устроен гиппокамп, как кодируются воспоминания. Знал, что нейронные следы можно усиливать, стабилизировать и закреплять.

Он встал, подошел к окну и уперся ладонями в подоконник. В стекле отражалось его лицо – осунувшееся, серое, с провалившимися глазами.

– Если бы ты могла вернуться, – прошептал он.

За окном дождь наконец пошел по-настоящему. Крупные капли били по стеклу, стекали мутными дорожками. Город исчез за пеленой воды. Остался только серый свет и стук дождя.

Дэвид простоял у окна до самой ночи, глядя в никуда. В голове уже рождалась схема. Та, что через годы станет «Кокон». Та, что подарит миллионам людей возможность вернуться в прошлое.

Но сейчас он этого не знал. Сейчас он просто хотел вернуть запах моря. Вернуть лицо жены, вернуть цвет в этот серый, умирающий мир.

Свеча догорела почти до конца, когда Дэвид наконец оторвался от бумаг. За окном все еще было темно или уже снова темно? Он потерял счет времени. На столе, среди пустых чашек и коробок из-под сухпайков, лежали листы, исписанные мелким, летящим почерком: схемы, расчеты, графики.

Он не спал вторые сутки. Глаза слезились, спина затекла, пальцы, державшие карандаш, свело судорогой. Но внутри горел безудержный огонь – тот, который включался всегда, когда задача стоила того.

Эльза называла это «Режимом Бога». Она говорила: «Ты становишься другим, Дэви. Уходишь туда, где нет меня, нет ничего, только твои схемы. Я тебя там теряю». Он не слушал тогда. А теперь слушать было некого.

Дэвид откинулся на спинку стула и закрыл глаза. В голове проплывали нейронные сети, синапсы, потенциалы. Он знал это всё наизусть. Двадцать лет исследований, десять практической работы. Гиппокамп мог нарисовать с закрытыми глазами.

Гиппокамп. Вот где всё начиналось.

Он снова склонился над чертежом. Хорошая бумага, довоенная, берег как зеницу ока. На чистом листе возникала схема. В центре – стилизованное изображение мозга. От него тянулись линии к блоку, который Дэвид обозначил как «Модуль считывания». Принцип был прост. Гиппокамп кодирует воспоминания, а каждое воспоминание – уникальная последовательность нейронных импульсов. Если эту последовательность считать, расшифровать и записать, то теоретически её можно подать на вход заново и воспроизвести, заставив мозг пережить момент еще раз. Он уже делал нечто подобное с протезами памяти для ветеранов. Но там речь шла о восстановлении утраченного – подсадить недостающие связи, чтобы человек вспомнил забытое лицо матери. Здесь было другое. Нужно было сохранить воспоминание, законсервировать его в виде последовательности импульсов.

Проблема была в мощности.

Дэвид вывел на полях формулу. Потом еще одну, потом зачеркнул и написал снова.

– Нужен усилитель, – пробормотал он вслух. Голос прозвучал хрипло, непривычно – он не разговаривал ни с кем уже несколько дней.

Считываемый сигнал слишком слаб. Чтобы создать стабильную, воспроизводимую запись, его нужно усилить минимум в тысячу раз. А для передачи и сохранения формы импульса нужен широкополосный усилитель с цепями ВЧ-коррекции и мощный ретранслятор. Нужна энергия, много энергии.

Он перелистнул страницу. На схеме появился новый блок: «Модуль усиления». И сразу стрелка вниз, к примечанию: «Требуется внешнее питание. Мощность – не менее 2 кВт. Автономность – минимум 6 часов непрерывной работы. Варианты: сеть (нестабильна), генератор (нет топлива), аккумуляторы (истощены)».

Дэвид отложил карандаш и потер переносицу. Пальцы пахли грифелем.

Электричества в городе не было третью неделю. Иногда давали на пару часов – включали резервные линии для больниц и центров сна. Но рассчитывать на это нельзя. Нужен автономный источник. Мощный и надежный.

Он вспомнил старые армейские разработки. В годы до коллапса военные экспериментировали с портативными источниками для полевых госпиталей. Были модули, которые выдавали до 5 кВт от одного заряда. Но где их взять сейчас?

– МИП, – произнес он вслух. Модуль источника вторичного электропитания.

Он видел такие на складах университета, еще когда работал там. Громоздкие ящики с разъемами, способные питать целую лабораторию в полевых условиях. После закрытия университета оборудование должны были списать, продать на запчасти или просто бросить.

Дэвид чиркнул в блокноте: «МИП – универ. Склад № 4. Проверить».

Но даже если он считает сигнал и усилит его, нужно где-то его записать. Обычные носители не подходят. Нейронные импульсы нельзя просто сохранить на флешку. Нужен носитель, способный работать с когерентными состояниями и квантовыми эффектами. Он знал только одно такое устройство – КОР-чип, квантовый обработчик реальности. Он мог закодировать импульсы в фотонах и сохранить информацию в виде спиновых возбуждений.

Проблема была в том, что КОР-чипы выпускала только одна компания, и та обанкротилась два года назад. Остатки распродали с молотка. Где они сейчас – никто не знал.

Но даже если КОР-чип найдется, он бесполезен без сопроводительной электроники. Нужен чип-сет – комплект микросхем, согласованных по характеристикам: тактовый генератор, контроллер питания, интерфейс ввода-вывода. Без них КОР-чип останется просто куском кремния.

Он перечислил всё на отдельном листе:

МИП – модуль источника вторичного электропитания (2-5 кВт, автономный)

КОР-чип – квантовый обработчик реальности (совместимость с протоколом Н.2В)

Чип-сет – комплект: тактовый генератор, контроллер, интерфейс (серия 7000)

Дэвид посмотрел на список и усмехнулся. Три года назад он заказал бы это по каталогу и получил курьером на следующий день. Теперь это выглядело как список сокровищ, разбросанных по мертвому городу.

– Начнем с МИПа, – решил он. – Остальное потом.

Он встал, разминая затекшие ноги. Подошел к окну. За мутным стеклом брезжил рассвет – серый, безрадостный. Город просыпался. Где-то гавкала собака, где-то хлопнула дверь. В тысячах квартир люди открывали глаза и снова понимали, что проснулись.

Дэвид смотрел на этот серый мир и вдруг поймал себя на мысли, что впервые за много дней не чувствует пустоты. Он знал, что делать. У него был план, цель, задача, достойная инженера.

На одном из листов, в углу, было написано крупными буквами: «Проект „Кокон“». Он просто искал красивое слово. Слово, в котором можно было спрятаться от серости, укрыться и выдохнуть.

Университетский кампус встретил Дэвида тишиной.

Когда-то здесь кипела жизнь. Он помнил эти дорожки, по которым бегали студенты, скамейки, где они сидели с Эльзой в перерывах между лекциями. Теперь скамейки пустовали, дорожки заросли травой, а на фасаде главного корпуса остались лишь выбитые окна. Местные жители растащили всё, что можно было продать или сжечь.

Дэвид шел медленно, огибая груды мусора и битого стекла. Рюкзак за спиной хлопал по лопаткам – он взял только воду и фонарик. Если повезет, МИП еще на месте.

Склад № 4 находился в подвале старого лабораторного корпуса. Тяжелая металлическая дверь была приоткрыта, петли проржавели, замок срезали автогенном. Дэвид посветил фонариком внутрь. Луч выхватил стеллажи, заваленные хламом, разбитые ящики, горы списанного оборудования.

Он шагнул внутрь.

В подвале пахло плесенью. Дэвид прошел вдоль стеллажей, вглядываясь в этикетки. «Лабораторное оборудование». «Оптика». «Расходные материалы». МИПа нигде не было.

Он углубился в коридор, туда, где раньше хранили крупногабаритную технику. Луч фонарика заплескал по стенам, выхватывая из темноты облупившуюся краску, паутину, трубы на потолке.

– Кто здесь?

Голос раздался из темноты так неожиданно, что Дэвид вздрогнул и выронил фонарик. Тот покатился по полу, выхватывая то угол стеллажа, то чью-то ногу в стоптанном армейском ботинке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.